

«Иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, и чтобы убедиться в этом — ст243;ит только раскрыть правдивые сказания лет древних. Там мы увидим, что оно появилось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. «Преподобные» явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремился уподобиться Сладчайшему Иисусу.

Вот почему ещё в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были Назореи[1 - Через всю богословскую и «святоотческую» письменность и литературу проходит желание, притом искреннее и наивное, основанное на невежестве, связывать «наши пожелания» и «нашу уверенность» с ветхозаветными примерами, как прецедентами. Так и здесь. «Назореи суть ветхозаветные монахи» — это вам ткнут в споре и малоученые миряне, и многоученые богословы-академисты. На вопрос «почему» ответят: «Как же, в дни назорейства своего они воздерживались от сикера и вина». — «Ну?» — «Воздержание есть пост, а постничество есть суть монастыря: следовательно, назореи были то же, что теперешние монахи. Воздержанники, постники»... Между тем стоило бы не только глазами читать буквы Ветхого Завета, но и душою вникнуть в его музыку, чтобы понять, что «назореи» были «святые», «угождающие» Богу, но именно в духе плодородного Ветхого Завета: т. е. они были противоположностью монашества! С чего начиналось назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Селфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монашестве не помышлявший. Он ввел или, точнее, разлил в народе обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, — увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности, а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, позыва. «Есть охотка, становись назореем». Уж это должно бы обратить на себя внимание наших богословов и заставить их спросить себя: «Для чего оно?» «Хорошее дело» — это «назорейство» — ну, пусть бы исполняли все. Ведь оно длилось недолго, вот как наши посты, и под силу было бы и народу. Но Моисей сказал: «Пусть по фантазии». В чем же тут дело? Да в чем суть назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидания», «встречи» с Богом: ибо она была вечно наполнена «Славою Господнею», как бы мы сказали теперь: «полна Св. Духа», «полна благодати»). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. обыкновеннейшее у пастушеского народа — это в видах доступности всем), сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжений, вместе с волосами нового назорея, «в сладкое благоухание Господу» (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определял, «воздерживаться от сикера и вина», как известно, расхолаживающего (разжижающего) кровь и расслабляющего половые силы. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был темпом изошренно-чистых, глубокоясных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к слюнявости и пакости, к частым слабеньким совокуплениям), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую. На это указывает бритье волос около половых органов: как мы, готовясь делать визиты — «бреемся», к празднику — «бреемся», так бритье детородных органов ясно знаменует «праздник» их, «торжество» их. А что Моисеево «обрей все тело кругом», имело в виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что без обращения на них внимания, не надо бы новичку-назорею раздеваться и священник мог бы просто обривать ему голову. Наконец, выбривать место «под мышками» можно было тоже лишь слегка откинув не тяжеловесную южную одежду. В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это: чтобы в Скинии свидения «назорей», т. е. в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвеваемыми «благодатным воздухом» Скинии. Назорейство было воздушною миквою Израиля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, — так же точно и назорейство. Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напутствие» в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угодные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи). В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и питья, понижающие и повышающие половую силу, половую predisposition, жажду. Между прочим от чеснока и цуки — жаждут: отчего это и есть любимейшие, всегдашние блюда плодovitых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука. Мне где-то пришлось прочитать в статистической книге, касавшейся приуральских наших губерний, что вот в такое-то время уменьшения акцизного дохода, т. е. сокращения пьянства, — пропорционально увеличилось число изнасилований, т. е. нетерпеливых, неуправляемых совокуплений. Нет пьянства — половой напор становится сильнее. И с сильным половым напором народы не имеют predisposition к пьянству (евреи, мусульмане). В. Р-в.], посвящавшие себя Богу по особенному обету, на время или на всю жизнь. Таковы были Илия, Елисей, и ученики пророческие, соблюдающие целомудрие[2 - Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал: «Поди к блуднице и зачни с нею». Пророк исполнил. «Поди и еще зачни», — повторил Иегова. И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалось голое скопчество потом, пресловутое девство, «святое девство», на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленела и вечно поливалась свежою водою («омовения») густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая «святость», которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям. Многоженство гораздо священнее считалось, чем одноженство: что видно из того, что, например, одноженный Исаак был «так себе» у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетований, — многоженных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески лелеял и ласкал. Да и понятно: если «женность» хорошо, то многоженность лучше одноженности, как «пять» больше, лучше «единицы», как полководец, выигравший «три сражения», лучше выигравшего «одно», и учитель, обучивший «толпу» детей, лучше, угоднее Богу и нужнее в миру, чем обучивший единственного ученика. В. Р-в.] и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления[3 - Где это в Ветхом Завете культ «недостатков, бедствий, озлоблений»? Терпишь, когда приходится: а искать — грешно. Это уж в Новом Завете стали «изъявлять себя», и что отчаяннее, горше — «испытывать сладкую муку язв»... Когда это пришло, со «счастьем человеческим» было конечно, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) — наглухо заколотилась. В. Р-в.] — те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. XI, 37, 38). Таков был и Предтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пиаммона, новозаветное иночество ведет

уже начало от самих Апостолов. Таким в начале было и все множество первых уверовавших во Христа. Св. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества[4 - Все это и так, и не так... «Община Иисуса уже была иноческою», «была образом и примером иночества». Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни — от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления — «духовные», все интересы — «духовные»; и община эта была, конечно, зачатком и прообразом «духовенства», греко-русского, латинского, германского. Кой-кто из них был женат; но каким-то боковым способом, не центрально, не главным образом. Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью «как сбоку припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков). Везде от семьи остались «поскребыши», хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», ходил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом». Но это был именно только вид убогости: на самом деле под убожеством скрывался Сильный, Сильнейший. Передав семье «убожество» свое, сам он начал расти — о, тоже в этом идеал «убожества», но в сущности — «якобы убожества»: поднялась сатанинская гордость «смирненных видом», и недаром 1-й основатель папства определил себя «servus servorum Dei», «раб рабов Господних». В «рабских чертах», «прихрамывая», «сгибаясь», — все они занесли голову свою за облака. Вернемся к теме: да, женаты были некоторые Апостолы; но чтобы у которого-нибудь из них родился ребенок — этого не только нигде не сказано в Евангелии, но как-то и представить себе нельзя, чтобы об этом было на его страницах сказано. Весь дух его изменился бы. «Плотская радость», «плотское счастье» — это «дерево жизни» растет; тогда как в Евангелии оно нигде уже не растет... Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения — т. е. та древнейшая часть всех религий, тот ее первый камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, — так сам Христос явился как бы последний рожденный со славою женами человеческими, после Которого прекратились настоящие рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости. В. Р-в.]... Действительно, некоторые из Апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, остались навсегда девственниками: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы — Иоанн и Иаков и Апостол Павел. Ученики св. Апостола Павла, Тит и Тимофей, подобно своему наставнику оставшись безбрачными, всецело посвятили себя на служение Господу. Дщери перводиаконов Филиппа и Николая пребывали в девстве[5 - Вот! Начинается этот культ «старых дев», маринад из «похоти мужския и женския», который квасится в собственном уксусе, вместо того чтобы давать лозу. В. Р-в.]. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные послания к девственницам[6 - Вот! И такое величественное это слово: «девственницы», «девственники». Но это хорошо — бессемейным: а горькие старики-семьянины, видя, как взрослые дочери их, и одна, и другая, и шестая, оставляются «бессемейною эпохою» за флагом, горько плачутся про себя, а вслух называют их «старыми девками». Климент поэтому написал не «Послание к девственницам», а «Послание к старым мухоморам», от яда коих — через мглы веков — произошли теперешние наши «бульвары» и «городские сады», где такие же мухоморы, на исходе увядающей, никому не нужной, никому не потребовавшейся их молодости, бегают, высунув язык, за гимназистами, за столоначальниками, за кем-нибудь, за кем угодно. О, Боже; да ведь и жизнь изжита, и как их осудить! Это уже не человеколюбивый Талмуд, по одному из правил коего если у отца есть дочь особенно непривлекательная, то отец все-таки обязан, хоть за деньги, ей приобрести временного мужа. Навеки-то, на наш «вечный брак» — и «за деньги» на многих нельзя жениться; ну, а временно — при свободе хоть на завтра развода — конечно, уже не было такого уroda из девушек, которую «познать» решительно отказался бы всякий. При заповеди «плодородия» естественно вытекло это мудрое правило, что как только у девушки лобок начал покрываться волосами (см. у пророка Иезекииля), — так отец и мать обязаны привести ей на ложе, кто бы «вошел» к ней и зачал в ней. И уже, конечно, нельзя было ожидать отказа, когда сестра упрашивала своего брата, холостого или женатого — все равно, совокупиться с ее дочерью, хотя бы сколько-нибудь раз, хотя бы до первой беременности, когда (в случае нестерпимого ее безобразия) он мог быть заменен другим мужем (механизм развода, закон родственных браков), опять не вечным, опять каким-нибудь. Вот уж там и «лен курящийся» не «загашивался», и «трость надломленная» — не переламывалась. Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот где настоящее «монашество», как «жертва Богу») заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые «никому не понадобились», «никому не нравятся», некрасивеньких, слабеньких, невидненьких; но «тяжких бремени не надо возлагать», и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет благословенно между прочим именно и за это, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических «сирот», космическое «убожество», производя от него иногда красивейшие лозы: ибо «убогие» с лица своего, в поле бывают часто гениальны, восприимчивы, страстны, «похотливы». Уверен, что доля избранничества Богом Магомета объясняется любовью и верностью его, еще в 17 лет, к 40-летней милой Хадидже: только на небесах известно, а не у пустых людей, как было отрадно Богу, что он так любил и никогда — уже женившись на других — не обидел свою Хадиджу, бывшую тогда «беззубою старухою», как ее ревниво называла младшая из Магометовых жен, прекрасная Аиша. Хотя он безумно любил ее, последнюю, но не переставал и в это даже время любить, ласкать и нежить Хадиджу. За Хадиджу ему и послал Бог победы и успех и дал Свои слова пророчества. В. Р-в.]... С самых времен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах. Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тарский, св. Киприан — говорят нам о существовании в древней Церкви подвижников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу[7 - Читай: «Для угождения Богу отрекавшихся от исполнения воли Божией, заповеди Господней». В. Р-в.].

После Апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны святые: Фекла, Зинаида и Филонида, Евдокия и Телесфор.

Св. Фекла, после проповеди Апостола Павла и Варнавы в Икони, уверовав в Господа, оставила своего жениха[8 - Вот... Начались эти «оставления жениха», «ухождения в монастырь», прообраз скорбных Лиз Калитиных... Но оставим уродство. Или — вот оно произошло; то и пусть осталось бы в молчании, как эмпирический факт, не переходя ни в принципиальное да, ни в принципиальное нет. Но этого не случилось: о нем записали, его прославили, прославили «оставление жениха», т. е. безмужество. О, поистине, как «благочестиво есть в Пустынной Аравии посадить хотя одно в жизни дерево» — так в нашей цивилизации старых дев и беспутных холостяков «блгочестиво есть» бросить в огонь хоть одну из этих старопечатных книжонки, в кожаных переплетах и с медными застешками. В. Р-в.]. После чудесного избавления от огня в Икони и зверей в Антиохии, с благословения Апостола Павла «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии, и тамо живяше в посте и молитвах и богомыслии» — до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Филонида были сродницами Апостола Павла. «Оставльше своя стяжания и всего отрехшеся мира», — они пришли в Фиваиду и там, близ города Димитриады, «в некоем вертепе житие свое провождаху». — Язычники, «нощю нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснули»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братий семьдесят иноков». Искренно раскаявшись, св. Евдокия в святом крещении

возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученической смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил, до своего избрания в папы, отшельническую жизнь. Скончался мученической смертью (128—139 г.).

Из второго века известны своей подвижнической жизнью: святой Фронтон, имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитриской, св. Параскева, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа, св. Наркис, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. Св. Евгения, римлянка, дочь наместника александрийского, в царствование императора Коммода обратившись ко Христу чтением Свящ. Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский, — сказала она слугам, — созда зде монастырь, в нем же черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, построившего монастырь, она приняла св. крещение вместе с евнухами. Переодетая в мужскую одежду, Евгения принята была в мужской монастырь, «юноше подобна одеянием и остриженными власы». «В монастыре живяше, — добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в настоятели, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами св. Никон. Родом из Неаполя, он после св. крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого, блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: тоже и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своя».

Св. Галактион и Епистима — из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой. Обратив ее ко Христу, он убедил ее вести девственную жизнь[9 - Вот!.. В. Р-в.]. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там, близ горы Публиона, Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима — в женский. «Подвиги его и труды кто изрещи может? Никогда не виден бысть празден, но или делаше, чт243; монастырю потребно, или моляшеся: пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своя бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдашеся опасно, да не видит лица женска»[10 - Вот! «Не надо Евы». До чего явен бунт против Бога, не со стороны откуда-то, но из Адама же извлекшего жену ему, и тем показавшего, какое это внутреннее существо вещей, не придуманное, не постороннее, не случайное. «Уже в тебе, Адам, — есть Ева: которая и выходит во благовремени» (= брак). В. Р-в.]... Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. Пансофий, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата раздав все свое имущество, удалился в пустыню. Скончался мучеником в царствование Декия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа инок диакон Авив. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Римляныня. Близ Рима, на уединенном и неизвестном месте, находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия, трех лет, была взята на воспитание игуменией Софией. Она выросла красавицей, но «вся уметы вменивши, увенчана Христу, и день и ночь в молитвах служаще». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября».

Из переводного творения Руфина: «Жизнь пустынных отцов».

Благочестивому читателю

«После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена: в нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх к живому, святолюбящему Богу, как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся, с удалением от Бога, пустоту. И вот — нет конца, нет насыщения... Не насытятся око зрением; не наполнится ухо слышанием; и вот — «все суета и томление духа» (Еккл. 1, 8, 14). Множество конечных целей никогда не удовлетворит духа с его бесконечными стремлениями[11 - О, семинаришка, о глупая семинаришка! И еще туда же, философствует... В. Р-в.]».

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной — до художественности — форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены были во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь, как на законченное целое, и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина разворачивается пред нами в песнопениях Гомера. Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь пред нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера «мы ощущаем как в целом, так и в частях — свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада — ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастья, даже слезы — не портят того жизнерадостного ощущения, которое ощущается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и человечно! Смысл жизни — в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу, который —

Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха

Видеть, как целой страной обладает веселье, как всюду

Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как гости

Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом

Пышно покрытыми, как из кратер животворный напиток

Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.

Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может!

.....

Но вот — пришло Евангелие. Оно открыло миру новый, неведомый язычеству, смысл жизни. Перед очами мира засияла новая красота, перед которою поблекла красота мира сего, В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умирать для жизни. Огонь, низведенный Спасителем на землю, попалил прежнюю и воспламенил новую жизнь на ней...

...Вместо героев, увлекавшихся борьбою, вместо гостей, увенчанных миртом и розами[12 - Да, психологическое основание для перелома, конечно, было, но не было основания религиозного, т. е. относящегося «до вечности» и в себе самом заключающего «вечность». Вся древняя цивилизация изнасилась, истерлась... Стреляли, стреляли из пушки — и она обратилась в «кувалду»: нарезы сгладились, ствол измялся, вся она «деформировалась»... Вчера сыт, сегодня сыт, всегда был сыт: нужно и поголодать, хочется поголодать. Но это — феномены, психические состояния, перемены бытия, жизнь! Нет жизни, где нет перемен, пульса. Вот в смысле «пульса» покаяние и пост, пустыня и молитва были нужны. Но, повторяем, — это феномен, который никогда не смел переходить в религию, в котором не было содержания для религии! В этом все дело. Но и затем вопрос: где «изначальная правда» и где «первородный грех», в светлом ли взаимодействии с природой, или «в облачках» души человеческой, которые тоже есть, есть они извечно, прорезывают самую чистую радость, самый безмятежный, казалось бы, покой? Здесь, не в силах разгадать, я передам, что чувствую: хотя я вечно, казалось бы, «защищаю язычество», но на светлом пиру Эллады и я выбрал бы, сел бы рядом и заговорил бы с той, которую так хорошо очертил поэт: Но, в разговор веселый не вступая, Сидела там задумчиво одна, И в грустный сон душа ее младая Бог знает чем была погружена... Интереснее! Да не только интереснее, — лучше! Монашеская красота извечно победит внешнюю, плотскую, мясную, телную: как Рафаэль победил же Рубенса... и «суровая» Астарта-Девственница побеждала юную, полнотелую Венеру. Удивлен я был, рассматривая карфагенские монеты (см. M252; лгг: «Монеты Африки») с изображением на них Астарты-Таниты. Это очень редкие монеты, выбитые в эпоху Цезаря и Августа в самом Карфагене, тогда как более древние карфагенские монеты, чеканившиеся в сицилийских колониях, все носят на себе изображения других божеств. Я был не только удивлен, но поражен: на монете изображена голова теперешней, нашей монахини, не только с чертами пожилого и сурового лица «ханжи-игуменьи», но голова и покрыта каким-то монашеским куколем, некрасивым узким покрывалом. Весь стиль — монахини! Вдобавок и прямо к ужасу — позади головы стоит крест, длинный латинский «крыж», т. е. «крест-накрест» две прямых линии, поперечная ближе к верхнему концу, и без всяких наших «православных» перекладинок! Между тем это — подлинная языческая монета, вне всякого ведения христианства вычеканенная и посвященная Таните-Астарте, «женской половине» Молоха, — в честь коей, как и Молоха, сожигали детей! Значит, эта «меланхолия» — извечна! И краткий «рай», конечно, должен был смениться «грехопадением». Душа человеческая, сама душа его, а не обстоятельства его жизни, рождена с «облачком»... которое мы или видим, или ждем, или вспоминаем. В «Астарте-Молохе» древние, по-видимому, отнесли это «облачко души человеческой» к извечному, к небесному: провидели в самом Боге-Творце это «облачко», или уже в Нем-то — целую «тучу»... «грозы и молнии»... Мы тут, конечно, ничего не можем сказать, где «да», где «нет». Мой окончательный взгляд заключается в том, что все должно быть введено в свою меру: должна быть размерена и радость и грусть, свой черед и закон — одному, черед и закон — и другому, без «диктования условий» которым-нибудь, и к абсолютно свободному выбору человека. Почтим монастыри; но почтим и того, кто никогда в монастырь не заглядывает. И только скажем ему: «Брат наш, будь в удовольствиях прекрасен, как эллин, и не переходи нигде в свинство» (способ веселиться у христиан); а монастырю скажем: «Не наводи грим скорби на лицо свое и не разыгрывай театр скорби с комедией в душе»... В. Р-в.], вместо веселых хороводных песен — явились другие люди, с другими стремлениями. Не чарующие дубравы, не светлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады — нет, — ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры — вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвления плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, неустанная молитва, отречение от суетных радостей мира — вот что вдохновляло этих новых людей»...

Предисловие священн. М. И. Хитрово к переводу «Жизнь пустынных отцов» Руфина.

Примечания

1 Через всю богословскую и «святоотческую» письменность и литературу проходит желание, притом искреннее и наивное, основанное на невежестве, связывать «наши пожелания» и «нашу уверенность» с ветхозаветными примерами, как прецедентами. Так и здесь. «Назорейи суть ветхозаветные монахи» — это вам ткнут в споре и малочуемые миряне, и многоученые богословы-академисты. На вопрос «почему» ответят: «Как же, в дни назорейства своего они воздерживались от сикера и вина». — «Ну?» — «Воздержание есть пост, а постничество есть суть монастыря: следовательно, назорей были то же, что теперешние монахи. Воздержанники, постники»... Между тем стоило бы не только глазами читать буквы Ветхого Завета, но и душою вникнуть в его музыку, чтобы понять, что «назорейи» были «святые», «угождающие» Богу, но именно в духе плодородного Ветхого Завета: т. е. они были противоположностью монашества! С чего начиналось назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Сепфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монашестве не помышлявший. Он ввел или, точнее, разлил в народе обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, — увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности, а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, поэмы. «Есть охотка, становись назореем». Уж это должно бы обратить на себя внимание наших богословов и заставить их спросить себя: «Для чего оно?» «Хорошее дело» — это «назорейство» — ну, пусть бы исполняли все. Ведь оно длилось недолго, вот как наши посты, и под силу было бы

и народу. Но Моисей сказал: «Пусть по фантазии». В чем же тут дело? Да в чем суть назорейства? К этому можно подойти, рассмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидания», «встречи» с Богом: ибо она была вечно наполнена «Славою Господнею», как бы мы сказали теперь: «полна Св. Духа», «полна благодати»). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. обыкновеннейшее у пастушеского народа — это в видах доступности всем), сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжений, вместе с волосами нового назорея, «в сладкое благоухание Господу» (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определял, «воздерживаться от сикера и вина», как известно, расхолаживающего (разжижающего) кровь и расслабляющего половые силы. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был темпом изощренно-чистых, глубокоюсных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к слякоти и пакости, к частым слабеньким совокуплениям), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую. На это указывает бритье волос около половых органов: как мы, готовясь делать визиты — «бреемся», к празднику — «бреемся», так бритье детородных органов ясно знаменует «праздник» их, «торжество» их. А что Моисеево «обрей все тело кругом», имело в виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что без обращения на них внимания, не надо бы новичку-назорею раздеваться и священник мог бы просто обрить ему голову. Наконец, выбривать место «под мышками» можно было тоже лишь слегка откинув не тяжеловесную южную одежду. В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это: чтобы в Скинии свидения «назорей», т. е. в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвеваемыми «благодатным воздухом» Скинии. Назорейство было воздушно миквою Израиля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, — так же точно и назорейство. Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напутствие» в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угодные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи). В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и пития, понижающие и повышающие половую силу, половую предрасположенность, жажду. Между прочим от чеснока и цуки — жаждут: отчего это и есть любимейшие, всегдашние блюда плодovitых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука. Мне где-то пришлось прочитать в статистической книге, касавшейся приуральских наших губерний, что вот в такое-то время уменьшения акцизного дохода, т. е. сокращения пьянства, — пропорционально увеличилось число изнасилований, т. е. нетерпеливых, неуждержимых совокуплений. Нет пьянства — половой напор становится сильнее. И с сильным половым напором народы не имеют предрасположения к пьянству (евреи, мусульмане). В. Р-в.

2 Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал: «Поди к блуднице и зачни с нею». Пророк исполнил. «Поди и еще зачни», — повторил Иегова. И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалось голое скопчество потом, пресловутое девство, «святое девство», на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленела и вечно поливалась свежеею водою («омовения») густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая «святость», которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям. Многоженство гораздо священнее считалось, чем одноженство: что видно из того, что, например, одноженный Исаак был «так себе» у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетований, — многоженных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески лелеял и ласкал. Да и понятно: если «женность» хорошо, то многоженность лучше одноженности, как «пять» больше, лучше «единицы», как полководец, выигравший «три сражения», лучше выигравшего «одно», и учитель, обучивший «толпу» детей, лучше, угоднее Богу и нужнее в мире, чем обучивший единственного ученика. В. Р-в.

3 Где это в Ветхом Завете культ «недостатков, бедствий, озлоблений»? Терпишь, когда приходится: а искать — грешно. Это уж в Новом Завете стали «изъявлять себя», и что отчаяннее, горше — «испытывать сладкую муку язв»... Когда это пришло, со «счастьем человеческим» было кончено, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) — наглухо заколотилась. В. Р-в.

4 Все это и так, и не так... «Община Иисуса уже была иносеческою», «была образом и примером иносечества». Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни — от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления — «духовные», все интересы — «духовные»; и община эта была, конечно.

зачатком и прообразом «духовенства», греко-российского, латинского, германского. Кой-кто из них был женат; но каким-то боковым способом, не центрально, не главным образом. Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью «как сбоку припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков). Везде от семьи остались «поскребыши», хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», походил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом». Но это был именно только вид убогости: на самом деле под убожеством скрывался Сильный, Сильнейший. Передав семье «убожество» свое, сам он начал расти — о, тоже в этом идеал «убожества», но в сущности — «якобы убожества»: поднялась сатанинская гордость «смиранных видом», и недаром 1-й основатель папства определил себя «servus servorum Dei», «раб рабов Господних». В «рабских чертах», «прихрамывая», «сгибаясь», — все они занесли голову свою за облака. Вернемся к теме: да, женаты были некоторые Апостолы; но чтобы у которого-нибудь из них родился ребеночек — этого не только нигде не сказано в Евангелии, но как-то и представить себе нельзя, чтобы об этом было на его страницах сказано. Весь дух его изменился бы. «Плотская радость», «плотское счастье» — это «дерево жизни» растет; тогда как в Евангелии оно нигде уже не растет... Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения — т. е. та древнейшая часть всех религий, тот ее первый камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, — так сам Христос явился как бы последний рожденный со славою женами человеческими, после Которого прекратились настоящие рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости. В. Р-в.

5 Вот! Начинается этот культ «старых дев», маринад из «похоти мужския и женския», который квасится в собственном уксусе, вместо того чтобы давать лозу. В. Р-в.

6 Вот! И такое величественное это слово: «девственницы», «девственники». Но это хорошо — бессемейным: а горькие старики-семьянины, видя, как взрослые дочери их, и одна, и другая, и шестая, оставляются «бессеменной эпохой» за флагом, горько плачутся

Интереснее! Да не только интересное, — лучше! Монашеская красота извечно победит внешнюю, плотскую, мясную, тельную: как Рафаэль победил же Рубенса... и «суровая» Астарта-Девственница побеждала юную, полнотелую Венеру. Удивлен я был, рассматривая карфагенские монеты (см. M252; илл: «Монеты Африки») с изображением на них Астарты-Таниты. Это очень редкие монеты, выбитые в эпоху Цезаря и Августа в самом Карфагене, тогда как более древние карфагенские монеты, чеканившиеся в сицилийских колониях, все носят на себе изображения других божеств. Я был не только удивлен, но поражен: на монете изображена голова теперешней, нашей монахини, не только с чертами пожилого и сурового лица «ханжи-игуменьи», но голова и покрыта каким-то монашеским куколом, некрасивым узким покрывалом. Весь стиль — монахини! Вдобавок и прямо к ужасу — позади головы стоит крест, длинный латинский «крыж», т. е. «крест-накрест» две прямых линии, поперечная ближе к верхнему концу, и без всяких наших «православных» перекалинок! Между тем это — подлинная языческая монета, вне всякого ведения христианства вычеканенная и посвященная Таните-Астарте, «женской половине» Молоха, — в честь коей, как и Молоха, сожигали детей! Значит, эта «меланхолия» — извечна! И краткий «рай», конечно, должен был смениться «грехопадением». Душа человеческая, сама душа его, а не обстоятельства

его жизни, рождена с «облачком»... которое мы или видим, или ждем, или вспоминаем. В «Астарте-Молохе» древние, по-видимому, отнесли это «облачко души человеческой» к извечному, к небесному: провидели в самом Боге-Творце это «облачко», или уже в Нем-то — целую «тучу»... «грозы и молнии»... Мы тут, конечно, ничего не можем сказать, где «да», где «нет». Мой окончательный взгляд заключается в том, что все должно быть введено в свою меру: должна быть размерена и радость и грусть, свой черед и закон — одному, черед и закон — и другому, без «диктования условий» которым-нибудь, и к абсолютно свободному выбору человека. Почтим монастыри; но почтим и того, кто никогда в монастырь не заглядывает. И только скажем ему: «Брат наш, будь в удовольствиях прекрасен, как эллин, и не переходи нигде в свинство» (способ веселиться у христиан); а монастырю скажем: «Не наводи грим скорби на лицо свое и не разыгрывай театр скорби с комедией в душе»... В. Р-в.